

«МАШИНА ВЛАСТИ» ИЛИ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ТЕХНИКИ¹

Аннотация. Статья посвящена сложным и многоаспектным отношениям, возникающим в области государственного управления, символическим воплощением которых является «машина власти». Существует давняя традиция, в основе которой лежит аналогия между машинным механизмом и человеческими социальными структурами. С эпохи абсолютистских государств и промышленной революции эти аналогии были перенесены на особую социально-организационную структуру, которой является «бюрократия». Особое место в ней занимают техника управления, технологии властвования и организационно-технические нормы, что придает бюрократии образ скорее технической конструкции, чем человеческого коллектива. Вместе с тем жесткая нормированность деятельности этой структуры, основанная на системе норм, предписаний и кодификаций, делает бюрократическую структуру проницаемой для механизмов правового регулирования. В историческом плане «машина власти» демонстрирует свою приспособляемость к самым разным политическим, экономическим и правовым контекстам, демонстрируя свою техническую «нейтральность».

Ключевые слова: власть, право, закон, норма, организация, структура, техника, технология, машина, аппарат, бюрократия, диктатура, демократия, абсолютизм, монархия, легальность, легитимность, законность, справедливость, нейтральность, идеология, объективность, субъективность.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.119-143

1. МИФ МАШИНЫ

В исторической перспективе гештальт «человека-машины» появляется значительно позже монструозного образа мегамшины или «машины власти». Ламетри в XVIII в. опоздал со своим символом на несколько столетий: гигантская «машина власти» уже эффективно работала в обществах Древнего Египта и Месопотамии.

Состоявшая преимущественно из человеческих конструируемых элементов, эта «машина» уже продемонстрировала свое откровенно не-

гуманное отношение к индивиду, будучи презентацией некоего метафизического целого. Но и назвать ее чисто социальной можно было лишь с известными оговорками, значительная часть ее элементов были сугубо механическими, т. е. нейтральными по отношению к социальным целям и ценностям: такая откровенная бездуховность обеспечивала машине большую эффективность в работе.

Открытие или изобретение этой «первичной машины» сразу и в качестве мифа, и в качестве действующего установления, как представля-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16124 «Влияние технологических революций на развитие нормативных структур власти: сеть versus система».

© Исаев И. А., 2019

* Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) iaisaev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ется, создало самую раннюю модель для всех позднейших сложных машин, когда при их конструировании акцент стал смещаться с человеческих рабочих звеньев на более надежные механические элементы. Но эта гигантская машина так и оставалась неназванной вплоть до нашей эпохи, когда появился гораздо более мощный и современный аналогичный тип, использующий целое множество вспомогательных машин. При сочетании разных компонентов — политических, хозяйственных, военных, бюрократических, царских — в мире рождалась некая мегамашина власти, незримо действующая и эффективная².

В машине человек, сам бывший частью природы, увидел собственное продолжение. Предполагалось, что заданные решения, которые недоступны ему, сможет выполнять машина, которая должна была стать не более чем подобием человека, одной из его функций. Последующее развитие технических средств, ставшее особенно интенсивным в Новое время, изменит представление о технике. Тогда впервые родится довольно опасное мнение о ее автономии и независимости от человека. (Характерно, что это мнение появится одновременно с юридическим понятием суверенитета как ничем не ограниченной власти. На этом фоне техника приобретает свою определенную субъективность и субъектность, что будет иметь в будущем весьма важные последствия.)

Голем и Франкенштейн стремились быть похожими на человека, сами оставаясь механизмами, приблизить неживую материю к живому организму. Левиафан Гоббса и «Большой человек» Сведенборга уже превращали человеческую совокупность в подобие машины. Миф машины настойчиво предлагал человечеству более совершенную альтернативу развития. При этом власть над природой незаметно переходила от самого человека к его могучему помощнику.

Решительный поворот в истории «высшей жизни техники» (О. Шпенглер) наступает тогда, когда «установление природы (чтобы затем руководствоваться этим) переходит в укрепление, через которое она сознательно применяется»; этим самым техника в известном смысле становится самодержавною, и инстинктивный древний опыт переходит в основное знание, которое уже достаточно ясно «осознается». Рож-

дается образ современного волшебника — та самая «распределительная доска с ее рычагами и обозначениями», которая становится символом человеческой техники вообще. Настоящий символ изобретательской культуры, рожденный некогда в монашеских готических кельях, это и есть образ Фауста, который первым начал «насильственный допрос природы» (Роджер Бэкон) с помощью машины, которая сама чудесным образом превращалась в маленький космос, убедительно демонстрируя происхождение собственной идеи из религиозной идеи.

Но именно с этого момента машина стала восприниматься и как дело рук дьявола, что вскоре станет постоянным ощущением истинной веры³. (И нужно заметить, что разработка автоматических источников власти была одной из важнейших заслуг того самого средневекового монашества, особенно бенедиктинцев. Но известен также и эпизод из жизни Фомы Аквинского, который «разрушил своим посохом робота», изготовленного его другом Альбертом Великим, алхимиком и ученым.)

Этико-религиозная окраска мифа машины определялась духом эпохи. В мир, наряду со зловещими фигурами традиционных демонов и чудовищ, вошел еще один загадочный и, как стало казаться, опасный персонаж. Очень скоро он был включен в этот враждебный человеку пантеон и вместе с тем категорически отделялся от сути человеческого как одухотворенной субстанции. Машина оставалась инструментом, но внутри нее уже проглядывал «демон из машины», существо, которое уже не было доступно человеческому разумению. Для него существовал лишь собственный закон, отличный от человеческого: миф машины приобретал черты собственной религиозности.

Платон и Прокл еще верили, что математические конструкции, составляющие основу любой машинной техники, значительно ближе к миру подлинному, более совершенны и более устойчивы, чем текущие образы чувственного и природного мифа, и все же при том не полностью свободны от материальности, что и позволяет строить на их основе миф, но миф более правдоподобный, более адекватный реалиям подлинного мира: подлинная математика для них — это математический миф⁴.

² Мамфорд Я. Миф машины. М., 2001. С. 249, 253.

³ Шпенглер О. Деньги и машина // Пессимизм? М., 2003. С. 99, 103—104.

⁴ См.: Шапошников В. А. Математическая мифология // Социокультурная философия математики. СПб., 1999. С. 142—143.

Алхимическая машинерия с ее агрессивным преобразованием материи также внесла свой вклад в миф о господстве технологий. Сменившая ее наука Нового времени рационализовала концепцию технической власти, подведя под нее математические аргументы, однако так и не смогла окончательно избавиться от магических и мистических ее аспектов. Этим воспользовался политический романтизм, придавший иррациональным элементам власти особую значимость и увидевший в технике непознаваемые и закрытые черты, так и не прочитанные Ренессансом и Просвещением. Гофмановские механизмы и Песочный человек в своем угрожающем человеку поведении стали предупреждением прогрессивному актуализму начинающейся промышленной эпохи.

Эрнст Юнгер заметил: технизация важнейших сфер жизни в XX в. может считаться завершенной. Развитие техники уже прошло три фазы. «Первая была титанической, она заключалась в построении мифа машины, вторая — рациональной и вела к полной автоматизации. А третья — магическая, наделившая автоматы разумом и чувствами. Техника принимает фантастический характер: она становится гомогенной желанием. К механическому ритму здесь присоединяется лирика»⁵.

Механизации мира мог быть противопоставлен только дух. Машина же была лишена его. Человек же, обладающий интуицией и поэтическим даром восприятия природы, все еще был способен подняться над механикой, при этом не утрачивая, а только совершенствуя собственный разум. Новалис утверждал: жизнь богов есть сама математика. Но чистая математика — это религия. В Европе же она выродилась в сплошную технику. Однако не ученому и созданной им технике дано овладевать миром, но поэту, способному расслышать современный ритм мироздания. Истинная математика — это та математика, которая позволяет нам уловить этот скрытый ритм. «Всякий метод есть ритм: если кто овладел ритмом мира, это значит, он овладел миром. Алгебра — это поэзия»⁶. Романтический интуитивизм не мог смириться с механистичностью мира, он искал ей поэтическую замену.

Технические тенденции Ренессанса и Просвещения составили такую же часть традиции,

как и антитенденции романтизма и экзистенциализма. В этой связи современная техника выступает как «секуляризованная версия средневековой структуры мира». Но «это уже больше не христианский богочеловек, а некий киборг — фиктивная комбинация компьютера и мозга». Киборг же представляет собой уподобление не чему иному, как машине. Но в более широкой перспективе сама мифологическая структура человеческого понимания релеванна такому пониманию: «В нашем секуляризованном обществе техника во многих отношениях выступила характеристикой сакрального или дьявольского и... была наделена мифической функцией: она стала предметом безграничного поклонения или абсолютного запрета»⁷ (М. Элиаде).

Вновь воля к власти становится определяющей силой, стоящей за всеми потребностями и проблемами, которые мы создаем, но сама техническая воля к власти могла бы быть интерпретирована совершенно по-разному в зависимости от исторической ситуации. Этическая интерпретация техники, ее связанность со злом или добром, механическая обращенность к неизбывному дуализму должны были вызвать неизбежный конфликт техники и ее создателя. Подозрительность сменялась враждебностью. Человек стал делать первые попытки остановить развитие техники. Машина власти переживала внутренний кризис.

В начале XIX в. феноменом антимашинного протеста стали движения разрушителей машин. Рабочие увидели в машине конкурента. Романтическая враждебность к процессам расколдовывания мира и рационализации жизни дополнила эти движения интеллектуальным элементом. Еще руссоистская традиция пыталась представить технику с помощью метафоры о господине и рабе: в этой паре технике еще отводилась роль орудия.

В консервативной интерпретации проблемы сама техника уже обретала черты бездушного «господина», а человек — черты «раба»: он сам становился автоматом, оказавшимся во власти самодвижущихся технических систем, ставших самоцельными. (Отчуждение техники от человека оказывалось подобным тому, что происходило с правовыми учреждениями: будучи результатом человеческой деятельности, они

⁵ Юнгер Э. Гелиополис // Утопия и антиутопия XX века. М., 1992. С. 504.

⁶ Новалис. Фрагменты. СПб., 1995. С. 152—153.

⁷ См.: Рапп Ф. Философия техники: обзор // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 51.

пытаются предстать человеку в форме объективности, в которой кажутся samozаконными. По такой аналогии интерпретировался и автономный технический мир, воспринимаемый как акт отчуждения.)

В XX в. стали выделяться несколько моделей критики техники, согласно которым техника спонтанно самосовершенствуется (Ф. Г. Юнгер), подчиняя себе подлинно человеческое. В этой модели соединяются критика рационализации, иррационалистичности и массовой эманации; технический мир выступает здесь как «судьба», которую еще предстоит осилить (О. Шпенглер), отчуждаемая техника формирует технократию, не подчиненную человеческим целям. Техника вырастает в особый опасный для человека мир, на стадии аномального и компьютерного развития становящийся уже неотвратимой угрозой⁸. (Сторонники идеи прогресса из области искусств (итальянские футуристы, советские авангардисты) в своих политических предпочтениях, явно склонявшихся в сторону авторитаристских ценностей, формировали настоящий культ машины: «вместо сердца — пламенный мотор».)

Люис Мамфорд пишет: «Первоначальный миф машины некогда отразил причудливые надежды и желания, которые с лихвой исполнились уже в нашу эпоху». В то же время он налагал суровые ограничения и принуждал к жестокому рабству, и эти обстоятельства... еще и сегодня угрожают человечеству «куда более губительными последствиями, чем в эпоху пирамид».

Энергия, ставшая доступной благодаря «машине царской власти», расширила свои пространственно-временные измерения и преобразовала земной ландшафт, строгие линии которого и геометрические формы несли одновременно отпечаток космического порядка и негибкой человеческой воли⁹. Промышленная революция начала свой процесс преобразования мира, вторгаясь в экономические, социальные, политические структуры. Человек заметил, что и сам он стал изменяться под ее воздействием, а машина выходит из его подчинения.

Машины теперь уже выражали и определяли себя на фоне хаоса органической природы

мира, законы и пределы которого они одновременно использовали и преодолевали посредством контроля, управления и скорости. «Вектор технологического развития выполняет героический нарратив власти, переплетение сетей, ткань из предсказуемых и полуавтономных нитей. Сеть — это матрица, лоно, мать-материя, которая все порождает». И «несмотря на его биологические корни, само это слово обозначает множество технологических инструментов и практик»¹⁰.

Машина создавалась для расширения власти над природой и людьми. Идея власти была заложена как в основание мифа, так и в основание самой ее деятельности. Теперь же, становясь автономной силой, сама машина стала претендовать на обладание властью: она диктует и требует. Для своей эффективной эксплуатации она требует следования правилам. Но у техники свои законы и свой язык, для того чтобы сосуществовать с техникой, требуется знание их. Техника несет риски и угрожает непредвиденными последствиями, если знания недостаточны: бэконовская формула «знание — сила» описывает именно такую форму отношения человека и техники.

Тип машины и потребляемая ею энергия соответствуют условиям той исторической эпохи, в которой они появляются. При этом машина власти стремится стать универсальной для своего времени и того пространства, которое она контролирует. Любая машина служит лишь одному избранному методу и возникает из его замысла: но воля к власти, «смеющаяся над всеми границами времени и пространства, имеющая своей целью безграничное и бесконечное», подчиняет себе все континенты, охватывая весь земной шар своими средствами передвижения и коммуникации: «Она преобразует его насильем своей практической энергии и неслыханностью своих технических методов»¹¹. (Миф машины — это по-настоящему утопическая вера в то, что машина может открыть человеку путь в другие миры. Так, в Декларации независимости киберпространства провозглашается, что «мировое социальное пространство, которое мы строим, от рождения независимо от бремени тирании... Киберпространство лежит вне ваших правительств инду-

⁸ См.: *Зиферле Р. П.* Исторические этапы критики техники // *Философия техники в ФРГ*. С. 266—269.

⁹ *Мамфорд Л.* Указ. соч. С. 250—251.

¹⁰ *Дэвис Э.* Технополис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург, 2017. С. 453.

¹¹ *Шпенглер О.* Человек и техника // *Антология. Логика культуры*. СПб., 2009. С. 504.

стриального мира, усталых гигантов из плоти и стали», — границ. «Ваши правовые концепции собственности, самовыражения, идентичности, передвижения и контекста неприменимы к нам. Они основаны на материи, а здесь [в Интернете] нет материи». Интернет предстает как технологическое возвращение к безграничному континенту¹²).

Вопрос о технике (именно так было сформулировано знаменитое сообщение Мартина Хайдеггера, который выступил на конгрессе одновременно с другой знаменитостью — физиком Вернером Гейзенбергом, поставившим ту же проблему) в конечном счете сводится к вопросу о власти. Властвует ли человек над техникой и через нее непосредственно над природой, либо техника приобретает власть над человеком? В эпоху атома и компьютеров эти проблемы приобретают особую актуальность.

Более умеренное в своих амбициях инструментальное представление о технике просто-напросто стремится поставить человека в должное отношение к технике. Все здесь нацелено на то, чтобы управлять техникой как средством, стремиться «утвердить власть духа над техникой», и это желание усиливается по мере того, как техника все больше грозит вырваться из-под власти человека. «Но там, где господствует инструментальное, там правит причинность казуальности» (Мартин Хайдеггер).

Но техника — еще и вид раскрытия потаенности. Сущность техники расположена в области, где имеют место открытие и его непотаенность, где сбывается истина: «Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование — только виды выведения из потаенности». Техническое раскрытие потаенного открывает процессы тем, что управляет ими. Управление же стремится всесторонне обеспечить самое себя и наряду с раскрытием делается главной чертой всякого производящего раскрытия: машина становится самостоятельным орудием. Но хотя существо современной техники еще долго останется потаенным, но по размаху своей власти оно все же остается тем, что предшествует всему, чем-то «самым ранним»¹³.

Технологический миф теперь обретает новые черты. Становящаяся суверенной техника оказывается на стороне политического глобализма. Тотальный характер технизации, когда все свя-

зано со всем, уже очевиден. Множественность властных центров, которая свойственна техническим системам, разрушает старые представления о государственном суверенитете. Техника космополитична, но не нейтральна. Политика государств и их законодательство приспосабливается к ее настойчивым требованиям. Целые отрасли — промышленное право, экологическое право, аграрное право и пр. — уже включены в сферу ее императивного воздействия. Экономика уже давно находится под контролем технологий: джин вырвался наружу и все вокруг переменялось...

Решение Хайдеггера представить в качестве предельной метафизической проблемы вопрос о технике демонстрирует здесь свои границы. Сущность техники, которая определяется им как «полная упорядоченность всего, что наличествует», как деятельность, которая состоит в том, чтобы располагать и накапливать эти вещи и самих людей в качестве ресурсов, выступает как теологический диспозитив управления миром. «Упорядочиваемость есть ни что иное, как управленчество, а то, что в идеологическом плане выступает как нечто такое, что необходимо упорядочить и привести к спасению, в плане техники предстает как наличный ресурс всеобщего управления».

Согласно Хайдеггеру, техника не представляет собой ничего только технического и является «эпохальной фигурой развертывания-свертывания бытия». Поэтому проблема техники не является чем-то таким, о чем решение может быть принято самими людьми, но отказ от мира, совершающийся в процессе всеобщего управления, есть высшая тайна бытия. Люди могут лишь соответствовать этой тайне в том измерении, в котором философия переходит в религию и которое воспроизводит чисто технический термин «обращение»: «Спасение, возрастающее в условиях опасности, которую несет в себе техника, означает не действие, а возвращение к сущности, оберегание, сохранение».

Эпохальное развертывание «экономики бытия» составляет политическую тайну, которая соответствует вступлению власти в фигуру Управления. А политическим является действие, которое эту тайну раскрывает, которое упраздняет и обращает в бездействие технико-онтологический диспозитив¹⁴.

¹² Цит. по: Дэвис Э. Указ. соч. С. 158—159.

¹³ Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие*. СПб., 2007. С. 314—315, 319.

¹⁴ См.: Агамбен Д. *Царство и Слава*. М. — СПб., 2018. С. 413—414.

2. ТЕХНИЗАЦИЯ: «РАСКОЛДОВЫВАНИЕ МИРА»

Всякое мнение — это интеллектуальная «машина машины», и «желание государства — эта самая фантастическая машина подавления, все равно, является ли оно просто желанием, желающим субъектом или объектом желания» (Ж. Делез). Желание на государственно-политическом уровне есть операция, которая «состоит в постоянном внедрении идеи исходного протогосударства» (*urstaat*) в новое положение вещей, чтобы сделать его имманентным для всей системы: государство — это само «желание, которое переходит из головы деспота в сердце подданных, из интеллектуального закона на всю физическую систему»¹⁵.

У Макиавелли абсолютный техницизм непременно вел к безразличию в отношении дальнейшей политической цели: «Задачей было поставлено только достижение политического результата — все равно, имеется ли в виду абсолютное господство одного человека или демократическая республика, политическая власть государств или политическая свобода народа. Организация политической власти, техника ее сохранения и расширения может быть различной при различных формах государства, но всегда такой, что ее при желании можно обеспечить специальными техническими средствами.

И уже у Платона в «Государстве» речь шла не о моральном или юридическом обосновании политического абсолютизма, а преимущественно о его рациональной технике. Рациональность такого технического подхода и проявляется прежде всего в том, что «искусный государственный деятель рассматривает человеческую толпу, которую надлежит организовать в государство, как облекаемый в форму материал, как объект». В этой необработанной массе, «пестром и многоголовом звере» (Платон), виделось нечто иррациональное, чем непременно трудно обладать и руководить посредством разума. Рассудок здесь не рассуждает, не приводит резоны — он диктует: иррациональное есть лишь инструмент рационального. «Чисто технической концепции государства остается недоступной безусловная, не зависящая от целесообразности собственная целостность права. Поэтому при диктатуре, как

правило, и превалирует исключительно цель, освобождающая от всех правовых препятствий и определяемая только необходимостью достичь того или иного конкретного состояния»¹⁶.

Нормативность должна будет уступить место нормированности. Уже у И. Бентама классификация методик и технических приемов напоминали скорее инструкции по применению права, чем толкование правовых форм. Содержание утрачивало свою значимость. Техника приобретения преимущества.

Понятие техники (в отличие от греческого «техне») обозначает одновременно и машину, и процесс ее функционирования. В применении к политической сфере техническое означает нечто идеологически нейтральное и выведенное за границы морального и этического. Машина власти лишена сантиментов, ценностные оценки здесь касаются исключительно предсказаний эффективности и количества. При этом предполагается, что технические нормы более адекватны действительному положению вещей, чем какие-либо другие нормы. (У М. Вебера определенно различаются нормы и технические правила.) В некоторых правовых системах (например, в советском праве 20-х гг.) технические организационные нормы рассматривались как желательный образец для формирующегося права, тогда как собственно правовые нормы — как идеологическая искажающая реальность надстройкой.) Понятие «юридическая техника» тем не менее само изобретало оценочный характер, позволяя отслеживать процесс «прогрессивного» развития юриспруденции.

Льюис Мамфорд заметил, что каждое техническое достижение всегда оказывалось связанным с неизбежными психосоциальными преобразованиями, и следовавшие за ним эмоциональное единение и строгая дисциплина ритуала, нравственное наполнение всякой деятельности, подчинение дисциплине табу и строгих обычаев помогали обеспечить сплоченность социальной группы: «Важный союз царской военной мощи с... авторитетом сверхъестественного происхождения предвосхитил сегодняшний сходный альянс между учеными и теоретиками математических игр с высшими правительственными чиновниками: в связи с чем и он был подвержен сходным погрешностям, просчетам и заблуждениям»¹⁷. Прошлое

¹⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. СПб., 2007. С. 349.

¹⁶ Шмитт К. Диктатура. СПб., 2009. С. 26, 27, 30.

¹⁷ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 219, 235.

повторяется в настоящем, точно так же, как старый деспотизм мегамашин повторяется в современных машинах власти, только в более сложном и видоизмененном варианте и в более утонченной технической форме.

Техника обслуживает социальный и политический механизм, обеспечивающий искусственное единодушие. Однако совершенство средств отнюдь не замещает необходимость целеполагания, которое может вовсе и не опираться на доводы технического разума. Но тогда и политический выбор, и политическая лояльность уже не могут не находиться в высшей степени напряженном отношении к необходимой и неизбежной составляющей управления: когда право превращается в закон, оно становится техникой, которая может служить даже противоположным целям и содержаниям, и тогда на первый план выходит техника убеждения¹⁸.

В технике современного типа заключена идея совершенно новой человеческой среды, но развитие техники не беспредельно, а направлено на некое завершение, которое оказывается завершением нового типа, новым материальным базисом человеческого существования (К. Ясперс). (Маклюэн в письме к Жаку Маритэну писал: «Электронное информационное окружение, будучи крайне неуловимым, поддерживает иллюзию мира как духовной субстанции. Это теперь разумное факсимиле мистического тела [Христа] оказывается манифестацией Антихриста. В конечном счете — князь мира сего — великий электронный инженер»¹⁹).

Техника ограничена уже тем, что она заключена в сфере безжизненного. Рассудок, господствующий над технической деятельностью, соразмерен лишь чему-то безжизненному и механическому. Поэтому на живое техника может воздействовать, только оперируя им как чем-то превратившимся в неживое. Отсюда и тот самый «демонизм» техники, созданный самими же людьми, как нечто подавляющее, оказывающее последующее воздействие на все их существование, противостоящее им и нераскрытое²⁰. Но задача преодоления техники техникой в принципе неосуществима, в этом слу-

чае техническое неблагополучие может только усиливаться: поэтому и абсолютная технократия, к счастью, недостижима.

И все же вследствие употребления всей жизнедеятельности отлаженной работы машины общество само превращается в одну большую машину, организующую всю жизнь людей. Все и строится тогда по образцу машины, т. е. должно обладать необходимой точностью, предначертанностью действий и быть связанным внешними правилами. Техника делает существование всех людей зависимым от функций сконструированного ею аппарата, но в ходе преобразования трудовой деятельности человека техника преобразует и его самого. Оторвавшись от смысла человеческой жизни, техника может превратиться в «средство неистового безумия нелюдей», а весь земной шар может стать «гигантской фабрикой»²¹.

Миф «Рабочего», которого Э. Юнгер рассматривал как главный символ технократической эпохи, отразил стремление человека подчиняться исходной идее труда как господствующему этическому и государственному принципу. Труд, который машина предполагала облегчить, должен был стать творческой деятельностью, подчиняющей себе все остальные формы человеческого существования. Само государство превращалось в технический аппарат, чья власть приобретала преимущественно организационно-управленческий характер. Сущность техники тем самым проявляется как возможность, охватывающая одновременно субъект и объект, как способность господства и подвластности. И тогда политический прогресс определяется тем, в какой мере удастся переработать достижения научно-технического прогресса в социальном отношении.

Напрашивающаяся аналогия с человеческим организмом для техники выражена хотя бы в том, что, будучи полностью развитой, законченной и исчерпывающей проекцией во внешний мир всех возможностей, которые заключены в человеческой природе, техника как бы заново «воссоздает» человека: «Из орудий, машин, которые мы сделали, из букв, которые мы открыли, явится сам человек», — провозгласил в 1877 г. Эрнст Капп, выпустивший первую

¹⁸ См.: Филиппов А. Р. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006. С. 23—24, 71.

¹⁹ Цит. по: Дэвис Э. Указ. соч. С. 358.

²⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1999. С. 131—137.

²¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 139—140.

книгу, посвященную основаниям философии техники²².

Макс Вебер говорил о «расколдовывании мира» как о его рационализации. Наиболее подходящим средством для этой операции могла стать техника. Однако миф самой техники оказался сильнее ее физических свойств: очень скоро сам процесс технизации приобрел магические черты. Прежняя магическая религиозность со всей очевидностью переходит в столь же магическую технологичность, и с самого начала, полагал К. Шмитт, двадцатое столетие оказывается не только веком техники, но и веком религиозной веры в технику. Действительно, техника, поскольку она может служить любому делу, долго рассматривалась как некая нейтральная к политике область. Однако все попытки найти в области технического то самое нейтральное поле, где уже не действуют политические противоположности, оказались обреченными на провал.

Нейтралитет техники — это только функция технически рационального государственного администрирования, а для технического представления о нейтралитете особенно важным является то, что законы государства приобретают независимость от любой содержательной существенной религиозной или правовой истинности и правильности и продолжают служить нормами принимаемых государством решений: ведь «решает авторитет, а не истина»²³.

3. ПОПЫТКИ СИМБИОЗА: МАШИНА + ЧЕЛОВЕК

Титанический характер техники часто вызывал в воображении образы гигантских зверей. Вид аппаратуры возбуждал воспоминания о мире, населенном динозаврами. «В технической организации есть что-то от допотопного чудовища, т. е. он носит тот же титанический характер. Другие тревожные ощущения вызывают у человека ее вулканические свойства» (Ф. Юнгер). Непредсказуемый характер машины еще более сближает ее с человеком. Рациональность здесь соседствует с избыточностью, стихийностью с планированием. Правда, машина власти, как и всякая техносистема, дает сбои, влекущие за собой серьезные и трагические последствия в виде войн и кризисов.

Машина обретает власть, но не волю к власти, поскольку это свойство непременно человеческое, «слишком человеческое». Воля — качество целеполагающее и целепостигающее. Машина же обеспечивает только порядок и ритм, но сама не ставит целей. Именно потому что власть машины предельно целесообразна, она бессмысленна и бесцельна, поэтому цель и полагается в нее извне.

Это успокаивает и обнадеживает управляющего машиной — он не допускает и не предвидит в действиях машины ничего иррационального, рассматривая ее только как собственный инструмент и орудие, которые он наделяет властью, «бунт машин» представляется ему не более чем метафорой и антиутопией. Миф машины обретает все новые черты, приспособляясь к современности. (Пьер Леви полагает, что определенные качества информационного пространства и виртуальной реальности как бы заново возрождают забытое мифическое изображение. Неоплатоническое понятие «ангела» здесь может быть вполне применимо к развитию коллективного интеллекта. Наш мир представляет собой фундамент, бал множественности и неразберихи, где трансцендентный зов божественного интеллекта должен бороться с хаосом фрагментарности и непостоянства человеческих страстей. Ангелы в этой иерархии духовной реальности действуют в качестве посредников и преобразователей. Они собирают божественные искры с уровней, низших по отношению к ним, включая наш мир, объединяют эти искры и направляют их на более высокие уровни синтеза божественного интеллекта.

Ангел, паривший в Средние века над нашим миром, теперь возвращается в качестве архетипического образа, коллективного интеллекта, создаваемого технологиями: «Теология становится технологией».

Но ангел — не деспотический коллективный разум. Наша собственная ангельская природа, деятельные силы нашего собственного интеллекта развиваются, но не поглощаются «перевернутым собором» пространства цифрового знания: компьютерные сети и виртуальная среда положили начало качественно новой форме интеллекта, который представляет не просто новый механизм мысли, но окружающую сре-

²² Цит. по: Хунинг А. Номо тегура: люди — это их техника — техника присуща человеку // Философия техники в ФРГ. С. 394.

²³ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 20—21, 169.

ду, «невидимое пространство знания и интеллектуальной власти, в которой будут бурно расти и мутировать новые качества бытия и новые пути моделирования общества»²⁴.)

Рационализм машины амбициозно претендует на свою монополию в установлении порядка. Так, нормированный политический и государственный порядок выглядит как упорядоченное техническое устройство, системность становится его внутренним качеством. Предполагается, что только система и позволяет осуществлять эффективное управление, т. е. устанавливать иерархии, определять цели, соблюдать объективность в оценках и целеполагании и т. п. Для этого техника (в ее широком понимании) должна стать всеобъемлющей. «Всё существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Бытие человека сводится к некоему всеобщему» (К. Ясперс). Параллельно этому механическая деловитость способствует безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного, и это выражается в «воодушевлении всем массовым и чудовищным, созданием техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов»²⁵.

Союз человека и созданных им средств стремится стать выражением высшего единства, и техника тогда — это только новый язык, и за самим человеком остается право решать, откликнуться на его призыв или притвориться немым. И все же человеку необходимо «овладеть этим языком, постичь его тайный закон и научиться использовать его как оружие». Одностороннее отрицательное толкование влияния техники на человека как настоящей причины всякой анархии и кризисов всегда было связано с ошибочным представлением о той самой нейтральности мира техники; тогда человек полагал, что может подчинить его ценностям, формам и законам жизни, более самому ему соответствующим: технике приписывалась роль спасителя человечества.

Но в условиях «атомной эры» противоречие между человеком и машиной уже не может быть решено только общим путем переговоров и обсуждений, когда молчаливо подразумева-

ется антропологическая идея просветительства о добром от природы человеке — на самом деле человек и добр, и зол одновременно, он способен на все. Решающим фактором здесь тогда становится пришествие нового человека, типа, утверждающего собственный способ бытия и собственный закон (Э. Юнгер)²⁶.

И во всех технических системах именно человеческий мозг определяет в конечном счете их главные цели. В то же время люди, как и машины, в действительности всегда используют друг друга и неким образом являются субъектами или обладателями целей (Уилкс)²⁷: именно здесь, как представляется, и лежат сходство и одновременно главное различие между техникой и человеческими машинами.

Ж. Делез и Ф. Гваттари в своем знаменитом постмодернистском манифесте вводят (психоаналитическое) понятие «желающих машин». Именно системность как особое качество технического порождает этот машинный тип. В нем, наряду с механическим инструментарием, содержатся признаки некоего органического, живого. Стремления, желания, интеллект — сугубо человеческие качества — зримо проявляются на машинном техническом уровне и внешне почти не отличаются от таких же человеческих проявлений. Только подобная машина власти с ее искусственным интеллектом оказывается более мощной и эффективной, чем собственно человеческая власть.

Определением «желающих» машин является прежде всего их бесконечная способность соединяться во всех направлениях и во всех отношениях. Именно благодаря этой способности они и являются машинами, проходящими одновременно через множество структур и господствующими над нами.

Такая машина имеет две характеристики, или потенции: потенцию континуума машинного типа, в котором каждая отдельная деталь соединяется с какой-то другой деталью; и потенцию прерывания, мутации, когда каждая машина оказывается абсолютным разрывом по отношению к той машине, которую она замещает²⁸. В таком мире уже нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины.

²⁴ Цит. по: Дэвис Э. Указ. соч. С. 418—422.

²⁵ Ясперс К. Указ. соч. С. 309.

²⁶ См.: Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб., 2005. С. 104, 110.

²⁷ Цит. по: Ранпп Ф. Указ. соч. С. 36.

²⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 14, 613.

Одна машина — орган подключения к другой машине (источнику).

В образе «желающей машины» человек и машина предельно сближаются и почти отождествляются друг с другом. Этот постмодернистский тип оперирует почти сюрреалистическим представлением о некоем «теле без органов», некоем абстрактном «я» или «оно». Иррациональность желания нейтрализует Ratio, заложенное в машине, и тем самым делает открытым переход от человеческой органики к неорганической субстанции машины.

«Желающие машины» только кажутся очеловеченными. На самом деле здесь все происходит наоборот. Машины получают свой суверенитет. И теперь именно они формируют такие отношения, как политика, экономика, культура. «Желающая машина» представляется системой полного машинизирующего тела и людей с орудиями, машинизируемыми на нем. Она существует как внутренний предел общественных и технических машин. Большие машины предполагают для своего существования отношения «капиталистического» или «деспотического» типа производства, влекущие зависимость, эксплуатацию бессилия людей, сведенных к состоянию потребителей или рабов. Коллективная собственность на средства производства ничего не меняет в этом положении вещей.

Различие между техническими общественными и «желающими» машинами заключается не в размерах и целях и не в режиме. Это одни и те же машины, но режим их не тождествен. Не имеет значения противопоставление актуального решения, подчиняющего технологию политике подавления, режиму, при котором технология высвобождается и несет освобождение. (Технология предполагает наличие общественных и желающих машин, одни в других, но сама она не имеет никакой власти решать, чем будет машинная инстанция — желанием или подавлением желания. Каждый раз, когда технология претендует на самостоятельные действия, она приобретает «фашистский» авторитарно-технический оттенок. Различие двух режимов — режима анти-желания и режима желания — приводит только к двум типам массовой ориентации²⁹.) Спонтанная динамика желания позволяет сформировать коллективный интерес и направить его к действительной вы-

годе. «Пространство формирования коллективного интереса через динамику желания — это пространство, где заявляет о себе сразу и естественность населения, и совместимая с ней искусственность средств, используемых для управления его жизнью»³⁰.

Вместе с прометеевским и фаустовским стремлением изменить внешний мир с помощью техники в нашей интеллектуальной традиции всегда присутствовала некая «францисканская традиция, концентрировавшая внимание на самой внутренней природе человека». К этому нас до сих пор подталкивает именно проблема моральной ответственности, которую человек принимает на себя, используя технику; во внимание здесь следует принимать и далеко идущие последствия наших действий для будущих поколений, что также ведет к определенному моральному ограничению человечества (А. Гелен). По своей сути человек готов рассматривать только краткосрочные решения, а следовательно, «требовать этики для будущего»³¹; компьютеры же могут иметь дело только с фактами, а человек — сам источник фактов — не является фактом, но существом, которое творит и себя, и мир фактов.

Процесс взаимного вживания — человека в машину, машины в человека — на политическом уровне ассоциируется с появлением таких представлений, как отождествление индивида с обществом и государством, как восприятие закона в качестве естественного и врожденного, с рождением националистической, партийной, сословной идентификации. Машина власти вырабатывает идеи, которые только кажутся принадлежащими самому индивиду. Желания, стремления, аффекты инспирируются машиной. Вся система общества потребления основывается на вырабатываемых ею симулякрах. Слова «государство — это я» могут принадлежать не только абсолютному монарху. И как это ни парадоксально, но нормы, выработанные машиной власти, кажутся индивиду его собственностью и изобретением.

Но там, где действует желание, больше уже нет места для воображаемого; «желающие машины» не находятся в нашей голове, в нашем воображении, они находятся в самих общественных и технических машинах. Наше отношение к машинам — это не отношение

²⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 627.

³⁰ Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011. С. 110.

³¹ См.: Рапп Ф. Указ. соч. С. 44—45.

изображения или подражания, это отношение заселения — мы заселяем технические общественные машины желаящими машинами: утверждается, что однотехнические общественные машины являются лишь конгломератами желаящих машин³². («Социетарный» строй общества, нарисованный Шарлем Фурье, целиком основывался на сочетании страстей, иррациональных сил, включенных в предельно рационализированную систему, воплощением которой стал его фаланстер, подобно тому, как «паноптикум» Иеремии Бенета воплотил в себе сочетание спонтанных нигилистических сил и строгой контролирующей структуры. Обе конструкции вполне можно определить как «желаящие машины».)

Если вначале государство и было неким абстрактным единством, объединяющим отдельно функционирующие подсистемы, теперь оно само оказалось подчиненным «полю» сил, чьи потоки оно координирует и чьи автономные отношения господства и подчинения оно выражает. Больше не являясь трансцендентным законом, управляющим фрагментами, оно определяет некое целое, которому дает имманентный закон. «В качестве машины оно больше не определяет общественную систему. Оно теперь само определено общественной системой, в которую оно включается в игре своих функций». Оставаясь искусственным, оно остается конкретным, подчиняясь господствующим силам. И аналогичную эволюцию проработывает техническая машина, которая перестает быть только абстрактным единством, чтобы стать подчиненным определенному полю сил отношением, действующим как физическая конкретная система³³.

Со временем машины становятся все более обезличенными по своему образу, «все аскетичнее, мистичнее, экзотичнее. Они теперь опоясывают землю бесконечной тканью тонких сил, потоков и напряжений. Их тела становятся все духовнее, все безмолвнее... Все самое важное прячется внутрь.

Долгое время машина воспринималась как что-то дьявольское, и, возможно, не напрасно.

В глазах верующего человека она означает ниспровержение Бога. Она с головой выдает священную каузальность человека и молчаливо, неодолимо в некоего рода предвидящем всезнании приводится им в движение» (О. Шпенглер): живые существа сделали неживое зависимым от себя и сами вдруг стали рабами своего создания, желали они того или нет³⁴.

Микрокосм-машина восстает на своего творца. Властелин мира сам вдруг сделался рабом машины. Трагизм нашего времени, полагал уже О. Шпенглер, заключается в том, что лишенное уз человеческое мышление уже не в силах улавливать собственные последствия: техника сделалась эзотерической, как и высшая математика, как физическая теория, незаметно идущая со своими абстрактными целями от анализа явлений к чистым формам человеческого познания. Механизация мира оказывается стадией опаснейшего перенапряжения. Сама цивилизация стала машиной, которая делает все или желает делать по образу машины. Вся «роскошь машины — следствие принудительного мышления. В конечном счете машина есть символ, подобно своему тайному идеалу, вечному двигателю — это душевная, духовная, а не жизненная необходимость»³⁵.

Еще Фрэнсис Бэкон в «Новой Атлантиде» предвидел возможность осуществления совокупного ряда операций, в которых новая система научных исследований и знания сочеталась бы с новой технологией: в тот момент, когда борьба внутри христианства между учениями и сектами зашла в тупик, «сама машина указала альтернативный путь, ведущий на небо». Начиная с XVI в. тайну мегамашин стали открывать заново. После ряда эмпирических поисков наугад и импровизаций (причем в них едва ли прослеживалась видимая конечная цель, к которой движется общество) и этот грандиозный механический Левиафан наконец был выужен из глубин истории. Экспансия мегамашин — ее царство, ее сила, ее слава — постепенно становилась главной целью или по меньшей мере навязчивой идеей западного человека³⁶.

³² Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 623.

³³ См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 348—349.

³⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 535.

³⁵ Шпенглер О. Человек и техника. С. 504—510.

³⁶ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 369, 381.

4. ВОЛЯ К ВЛАСТИ: МАШИННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Только на основе одной лишь астрономической науки и религиозных санкций когда-то была создана мегамашина властвования. Очень скоро она превратилась во всеобъемлющий свод установлений, охватывающий все стороны жизни. Первоначальный миф машины отражал «причудливые надежды и желания, которые с лихвой исполнились уже в нашу эпоху. Но он же налагал ограничения и принуждал к жестокому рабству, и именно это обстоятельство «сегодня вновь угрожает человечеству куда более губительными последствиями, чем в эпоху пирамид» (Л. Мамфорд)³⁷.

До некоторых пор государство («это самое холодное из чудовищ», по выражению Ницше) составляло центр машины власти. Два его символа — царь и жрец — в самых разных модификациях и под разными именами наверху завершали пирамиду власти. Машина вносит свои коррективы в эту картину. Технологическое мышление достаточно небрежно отнеслось к таким вещам, как иерархия, статусы и структуры. Но в ее существовании уже лежала великая идея системы или сети.

По замечанию М. Хардта и А. Негри, развитие глобальной системы (в первую очередь «имперского права») представляется развитием машины, устанавливающей процедуры непрерывной выработки и реализации договоренностей, ведущие к достижению системного равновесия, — машины, создающей постоянный запрос на власть. Эта машина предопределяет условия осуществления власти и действия во всем социальном пространстве³⁸.

Властные устремления техники вполне ожидаемо оказались направленными именно на государство: она рассматривала его как организацию, которую именно ей надлежит довести до совершенства, чтобы она функционировала с полным автоматизмом: «Как уверяет нас Техник, государство только тогда начинает по-настоящему справляться со своими задачами, когда оно целиком технизировано, когда само понятие государства и его цели определяются централизованным функционализмом, который охватывает все сферы жизни».

Однако именно такое определение цели государства как раз и отменяет само понятие государства, поскольку это понятие предполагает наличие чего-то, что все-таки стоит вне государства. Само же это предполагаемое нечто никогда не может стать государством, но служит лишь предпосылкой существования государства: «Это что-то есть народ, который может быть народом данного государства, но не может быть самим государством. Но если государство подменяется некоей технической организацией, лишенной какой-либо неорганизованной основы, тогда оно перестает существовать как понятие» (Ф. Юнгер)³⁹.

Однако то, что до сих пор называлось суверенитетом государства, все еще в полной мере сохраняет свои исконные «царственные притязания» на власть и привилегии, на имущественное первенство и энергию поглощения, какие суверену покажется уместным применять во имя национального благоденствия⁴⁰. Механическое повиновение всегда достигалось в первую очередь созданием непреодолимого психологического барьера между властителем и всеми, кто пытался к нему приблизиться. Под мистической аурой абсолютной власти, функции которой возьмет на себя безликая машина власти, изначально формировались институты царской власти. Подспудный террор становился орудием новой техники властвования. Куда бы ни распространялась царская власть, незримая машина всегда следовала за ней.

У Сен-Симона и О. Конта все еще органические «естественное» и «стихийное» функционирование социального строя противопоставлялось рационально планируемой политической, юридической или конституционной организации. Тем не менее в этих теориях уже намечалась предпочтительная оценка рациональности и техник, свойственных современной цивилизации. Сен-Симон рассматривал современную организацию как либерализирующую силу, высвобождающую людей из-под власти традиции; Макс Вебер, особо выделяющий рациональность как продукт современной технической культуры, выражал опасения, что бюрократическая организация знаменует собой гибель индивидуальной личности и подчинение ее обезчеловечивающей регламентации.

³⁷ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 250.

³⁸ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 28.

³⁹ Юнгер Ф. Совершенство техники. СПб., 2002. С. 247.

⁴⁰ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 241.

Вебер полагал, что подчинение в бюрократии составляет самоцель, а не только элемент формы правления, основанной на знании и умении: власть в современной организации всегда в какой-то мере зависит от элементов нерационального⁴¹. По замечанию М. Вебера, весь процесс действия внутривластных функций государственного аппарата в области права и управления в конечном счете всегда регулируется, несмотря на какую бы то ни было социальную политику, прагматическими, объективными государственными соображениями, т. е. абсолютной самоцелью охранять внутреннее и внешнее разделение власти⁴².

Со времен камералистов и Гоббса политика все больше рассматривалась как сугубо техническая задача, когда особое значение придавалось не столько добродетельности и справедливости, сколько целесообразному построению эффективного государственного аппарата, государство представлялось конструкцией, составленной из человеческого материала: «Искусство строительства и сохранения государства, подобно арифметике и геометрии, основано на определенных правилах, а не только на практике» (Гоббс).

Принцип «разделения властей» по своей сути есть техника и технический подъем. Ссылка на стремление к обеспечению баланса сил и специализацию функций как смыслодержащие задачи здесь малоубедительна, поскольку эти результаты в идеале недостижимы: власть неделима в принципе. Проблема, имеющая слишком долгую историю, наличествует постоянно и неизменно, и сами теории, ее формирующие, априори отмечают ее невыполнимость. Условно определяются и описываются лишь области распределения власти и механизмы этого распределения, т. е. сугубо технические аспекты, но не сущностный характер разделения: неделимая в своей основе власть, подобно эфиру старой физики, растекается в бытийном пространстве, пронизывая все вокруг. Механическая же техника разделения способна только фиксировать уже существующее положение вещей. Ее рационалистический подход не в состоянии обнаружить, учесть и воздействовать

на непросчитанные иррациональные эксцессы власти.

И эти космические фантазии оставались в неприкосновенности вплоть до наших дней, когда они уже явились в новом облике «абсолютного оружия» и «абсолютного суверенитета» — «этих далеко не невинных галлюцинаций атомного века» (Л. Мамфорд). Существование автоматизированных фабрик и компьютерного управления помогает скрыть человеческие составляющие машины власти и религиозную идеологию, важную даже для наступившей эры автоматизации. Но на вершине иерархических организаций по-прежнему стоят «царь и жрец», обеспечивающие работу всего комплекса власти. («Ключом к системе тотального контроля остается тайное знание» — ведь один властитель не мог бы действовать успешно без опоры на некое организованное «высшее знание». И сегодня языки высшей математики и компьютеризация заново породили и тайну, и монополию, позволяя установить и возобновить тем самым тотальный контроль.) Устранение человеческого измерения и органических пределов составили настоящий предмет гордости авторитарной машины властвования⁴³.

Воля к власти, как представляется, все еще остается определяющей силой, стоящей за потребностями и проблемами, которые мы сами же и создали, желая оправдать нашу бездумную технологическую деятельность: функциональная рациональность тем самым представляет собой только бегство от такого способа мышления, который когда-то явился источником наиболее фундаментальных ценностей западной цивилизации (Л. Рубинов). По сути, современная техника выступает ныне как секуляризованная версия средневековой структуры мира. Но это уж не «христианский Богочеловек, а наоборот — фиктивная комбинация компьютера и мозга, и это — символ нашего времени, Киборг только уподобляется всего-навсего машине» (И. Беллард)⁴⁴.

Мирча Элиаде подчеркивал, что мифологические образцы, конституирующие предельную систему отсчета для культурных значений, в скрытой и неузнаваемой форме присутствуют

⁴¹ См.: *Голднер Э.* Анализ организации // *Социология сегодня. Проблемы и перспективы.* М., 1965. С. 446—447.

⁴² *Вебер М.* Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // *Избранные произведения.* М., 1990. С. 318.

⁴³ *Мамфорд Л.* Указ. соч. С. 262—264.

⁴⁴ Цит. по: *Философия техники в ФРГ.* С. 50.

также и сегодня: в секуляризованном обществе «техника во многих отношениях выступила характеристикой сакрального или дьявольского и, таким образом, оказалась наделенной мифической функцией: она стала предметом безграничного поклонения или абсолютного запрета»⁴⁵. Л. Мамфорд замечал: «Сегодняшнее суверенное государство — это лишь увеличенный и отвлеченный аналог все того же боготворенного царя», а такие установления, как человеческое жертвоприношение и рабство, по-прежнему все еще живы, равно укрепившись в масштабе, стали более властными в своих требованиях. Так, всеобщая воинская повинность значительно умножила число священных жертв, тогда как «конституционное правительство с помощью “консенсуса” лишь сделало власть правителя более абсолютной, поскольку несогласие и критика просто не признаются». И великим достижением мегамашин становится миф самой машины — представление о том, что машина по самой своей природе непреодолима, но если ей не сопротивляться, то в общем-то и полезна: «Эти магические чары по сей день завораживают и тех, кто распоряжается мегамашинной сегодня, и самих ее массовых жертв»⁴⁶. (Не пугает даже перспектива войны, почему-то полагают, что само наращивание военной техники способно предотвратить войну. В совершенствовании военной машины видят гарантию мира или в крайнем случае военной победы.

Наиболее современной всегда была военная техника. «Военно-промышленный комплекс» во все времена движет науку и технику вперед. Машина власти в значительной мере включает в себя средства войны, агрессии и экспансии и их целевые установки. Циничное заявление «война — двигатель прогресса» не лишено смысла.)

Техника продолжает до сих пор пользоваться своим мифом о своей нейтральности, хотя эта нейтральность уже давно превратилась в суверенитет. С точки зрения нейтралитета сама государственная машина, как и вся техника в целом, представляется независимой от какого бы то ни было содержания политических целей и убеждений, приобретая особую

ценность нейтрального в отношении истины технического инструмента. Таким представляется Левиафан Гоббса, нейтральным техническим инструментом государство кажется также и обитателям современных больших городов⁴⁷: искусственное существо и машина выглядят чем-то совсем единым.

В кризисные времена государством нередко формируются так называемые технические правительства, на которые возлагаются не всегда обоснованные, но благие надежды вывести страну из трудного положения. Понимаемый как аполитичность технизм здесь становится важнейшим аргументом: то, что не смогли решить политики, способна решить техника. И технически нейтральное государство действительно обладает истиной, ценностями и справедливостью, правда, в форме своего технического совершенства. Все же прочие представления об истине и о справедливости вмещают в себя решение в пользу законодательно обоснованного приказа.

Ведущая к господству техники нейтрализация, заключенная во «всеобщей вынуждающей к нейтралитету конструкции государства», уже подразумевает технизацию и нейтрализацию права и конституции, превращение «права в закон, а конституции — в конституционный закон». Это формализация и нейтрализация понятия «правовое государство», сведение его к понятию системы государственных законов⁴⁸.

Властные нарративы, которые прежде использовали в устойчивых категориях знания и идентичности, нынче утрачивают свою силу. «Язык — это уже не сфера истины и выражения, но сеть — лабиринт связанных неопределенностей, которые невозможно разрешить, и структурных кодов, которыми невозможно овладеть». Все традиционные логоцентристские дискурсы истины и знания воспринимаются как условие и проблематичные стратегии власти, ведущие к деспотизму нового типа. Постмодернизм предлагает «децентрированный мир бесконечной фрагментации, сферу, где человеческая личность становится движущейся мишенью, а история растворяется в адской игре знаков и симулякров»⁴⁹. Постмодернистская философия с готовностью принимает фраг-

⁴⁵ Цит. по: Философия техники в ФРГ. С. 51.

⁴⁶ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 293.

⁴⁷ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 162—164.

⁴⁸ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 171, 212.

⁴⁹ Дэвис Э. Указ. соч. С. 457.

ментарность, синкретизм и многополярность современного мира. (Кевин Келлен в работе «Вне контроля» утверждает, что мы движемся к новой «небиологической цивилизации, определяющейся органическими технологиями, машинообразной биологией и широким распространением сетей и коллективного разума». В этом процессе эволюция и интерпретация становятся неподконтрольной силой. На место «прежних устаревших правительств, потерявшей актуальность гуманистической философии и вымирающих социальных институтов» приходит «невидимая рука» эволюции, творческая новизна самой вселенной, которая руководит технологическим развитием, экономическими сетями и человеческой культурой⁵⁰.)

Машина сама себя легитимирует и воспроизводит, т. е. является самоуправляющей системой. «Она вырабатывает социальную ткань, сметающую или редуцирующую любые противоречия. Она создает такие ситуации, что прежде, чем происходит принудительная нейтрализация различий, они оказываются поглощены бессодержательной игрой равновесий, которые сами себя порождают и регулируют». Так, любая правовая теория, обращенная к условиям постсовременности, должна принимать в расчет его специфическое коммуникативное определение общественного производства. «Имперская машина» претендует на создание универсального гражданства в контексте равновесий, ради этой цели разрушая историю и идентичность в типично постмодернистской манере. Основополагающая норма легитимации коренится в глубинах машины, т. е. в сердце общественного производства⁵¹.

5. ИДЕАЛЬНАЯ МАШИНА — БЮРОКРАТИЯ

Элвин Голднер различал два типа бюрократии: представительную, опирающуюся на знание и умение и на наказание, и бюрократию, которой свойственны власть, основанная на простом пребывании в должности, и одностороннее принятие правил организации. Вслед за Контом автор сделал предположения, что одной из скрытых функций бюрократических норм является обеспечение управленческой терпимости

в «форме необязательного применения норм, подкрепляющих собой систему формального сотрудничества и стихийного взаимодействия заинтересованных сторон. Здесь свою заметную роль начинают играть так называемые ритуалы уклонения»: традиция и харизма снижают расчетливость легалистской системы властвования, постоянно выходя за ее юридизированные границы.

Общественная машина становится совокупностью технических машин. Отличия по природе двух этих машин все же сохраняются, хотя те и другие являются машинами в собственном смысле слова: общественная машина получает свои детали в виде технических машин, но ее аксиоматика не является простой технической машиной, автоматической или кибернетической. Она включает в себя также интуиции, которые просто используют инструментарий техники. Она «добавляет дополнительные аксиомы, не позволяя системе перенасыщаться», и это предполагает наличие общественных органов решения, управления, реакции, особую технократию и бюрократию, которые не сведены только к функционированию технических машин⁵².

Макс Вебер говорил о том, что на рационализированной «фабрике» современного государства легальность вполне может быть сочтена легитимностью. По его прогнозам будущее принадлежит специально образованной бюрократии, поскольку она является настоящим двигателем технизированной фабрики под названием «государство», с рациональной внутренней логичностью работающей сообразно нормам законов: «законность есть позитивистский способ функционирования бюрократии»⁵³. По М. Веберу, бюрократическо-монократическое управление благородя таким качествам, как точность, стабильность, дисциплина и «неисчерпаемая возможность чисто технического совершенствования», представляет самую рациональную форму реализации господства. Именно его возникновение стало «зародышевой клеткой современного государства». Его невозможно отделить от потребностей массового управления. Преимуществом такого управления является профессиональное знание, необходимость которого обусловлена современной

⁵⁰ Дэвис Э. Указ. соч. С. 413.

⁵¹ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 45, 52.

⁵² Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 396—397.

⁵³ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. С. 171, 212.

техникой: вообще, бюрократическое управление означает господство через знание. Властные позиции бюрократия стремится усилить за счет служебного знания.

Для этого типа легального господства характерны «непрерывный, реализуемый правителями процесс административного производства»⁵⁴. Процесс оказывается более важным, чем его содержание.

В своем «Процессе» Кафка, по мнению Бертольда Брехта, выдает только одну-единственную проблему — проблему организации⁵⁵. Здесь два мира у Кафки, реальный и виртуальный, являют собой полутемный лабиринт канцелярий, кабинетов и приемных с необозримой иерархией чиновников. В этом канцелярском сословии высшие настолько же лишены закона, оказываясь на одной доске с низшими — там, где «без всяких перегородок и различий кишат твари всех уровней, степеней и порядков, втайне солидарные друг с другом лишь в одном-единственном чувстве — страхе». Это «страх перед невидимой виной и страх перед карой, в которой одно только благо — что она проявляется, делает известной вину»: «То, что в мире права — продажность, то в мире мышления — страх»⁵⁶. Правосудие, открывающее против кафкианского героя уголовное судопроизводство, уводит нас в темные правремена, в эпоху задолго до законов XII таблиц, ставших когда-то победой писаного права над первобытным укладом. «Ибо здесь писаное право хотя и существует в сводах законов, но существует скрытно, негласно, благодаря чему первобытность, опираясь на такие законы, тем безнаказанней может творить свой безграничный произвол»⁵⁷.

Закон есть нечто совершенно конкретное. В самом глубоком смысле «машина казни» из рассказа Франца Кафки «В исправительной колонии» с ее «бороной», разметчиком и ножом и есть настоящий «закон» коменданта, вне этих конкретных «записывающих устройств» нет и самого закона. При переходе от одной машины к другой жестокость закона не возрастает и не уменьшается, мы просто теряем возможность сравнить.

Неумолимость закона ослепляет даже его хранителей. Страх в притче Кафки — это само человеческое общество, не знающее закона, который оно охраняет, «оно только делает вид, что знает закон, но это знание отдано каким-то высшим, непостижимым силам»: это нигде и никогда не есть закон вещного мира. Этот «закон некоего нового порядка, под действием которого все вещи, в коих он выражается, скособочен, — закон, который искажает все вещи и всех людей, в ком бы и в чем бы он ни проявился»⁵⁸. Право, которое более не применяется, а только изучается — вот это и есть врата справедливости. Беспощадной силе права здесь придается компенсирующий момент. Но и этот мир права по своей сокровенной сути «продан и развращен»⁵⁹.

Для машины власти процесс является целью, тогда как конструкция — средством. Конструктивная бюрократия здесь только средство и инструмент. Нейтральность превращается в аморальность. Неадекватное восприятие реальности оказывается закономерностью для аппарата. Кафкианская безысходность — не просто настроение, это отражение действительности, неизбывные «страх и трепет», о которых говорил Серен Кьеркегор. Человек включен в систему, из которой он уже не может выйти: не познаваемые им силы уже управляют им. Теперь уже машина превращает духовные элементы в материю, овеществляет дух в неподвижной закономерности.

Ален де Бенуа напоминает: политика может существовать лишь в той мере, в какой существует выбор между различными возможностями. Управление же как форма деятельности стремится упразднить подобный выбор, сводя политические и социальные проблемы к техническим, что порождает лишь новый вид принуждения. Здесь технократы и эксперты выступают как партнеры, однако в противоположность технократии управление — это еще и глобальная идеология замещения государства (Ги Эрме)⁶⁰. Сама идея глобального управления, питаемая верой в непрекращающийся технический прогресс, означает стрем-

⁵⁴ См.: Вебер М. Хозяйство и общество. Социология. М., 2016. С. 256—263.

⁵⁵ Рыклин М. Книга до книги // Беньямин В. Франц Кафка. М., 2000. С. 39—40, 282.

⁵⁶ Беньямин В. Указ. соч. С. 105, 254.

⁵⁷ Беньямин В. Указ. соч. С. 53.

⁵⁸ Беньямин В. Указ. соч. С. 231, 240.

⁵⁹ Беньямин В. Указ. соч. С. 254.

⁶⁰ См.: Бенуа А. Против либерализма. СПб., 2009. С. 243, 247.

ление преобразовать политические процедуры в административные. В законодательной же деятельности предпочтительными становятся общие принципы, правила, процедуры и различные директивы. Закон вытесняется конвенциональными нормами и кодексами: «В мире, где господствует информация и ее производные — разум, влияние, образы, — будет навязываться образ мыслей, наиболее востребованный» (Клод Ревель).

«Рациональность современной организации означает, что всегда есть место для улучшений», что «нет ничего священного, а следовательно, и неизменного. Поэтому рациональность имеет явную тенденцию распространяться с управления неодушевленными предметами на управление отношениями людей: она уверенно и демонстративно вторгается в области, управляемые ранее традиционными и неформальными нормами». Не исключено, что непрекращающиеся кампании за рационализацию могут поставить под угрозу стихийные гомеостатические механизмы, которые обеспечивают равновесие в организации⁶¹.

Рабочий ритм машины предполагает динамическое равновесие ее частей и целого. Работа машины нуждается в надежности, устойчивости и длительном (в идеале — вечном, отсюда — «вечный двигатель») функционировании. Нормирование и организация в состоянии обеспечить равновесие только при условии наличия порядка. («Чтобы возник порядок, должен существовать нормальный порядок» — Карл Шмитт). Веберовская модель бюрократии соотносится с выделенным им типом легитимного господства, целиком базирующегося на нормативной легальной основе. Порядок ее работы целиком пронизан рациональностью и четкими предписаниями, задаваемыми «штабом» машины власти. В такой рациональной модели бюрократии предполагается, что решения принимаются на основе «рациональной оценки ситуации и использования апробированного знания при сознательной ориентации на ясно кодифицированный правовой аппарат». Упор делается на структуры, предписанные законом. В своей основе рациональная модель подразумевает модель, по сути, механическую, поскольку априори она представляет организацию как структуру управ-

ляемых частей, каждую из которых можно в отдельности изменять в интересах повышения эффективности целого. При анамнезе «естественной системы» упор стал делаться не на отклонениях от рациональности, как в любой рациональной системе, а скорее на нарушении равновесия в организации, в особенности — на механизмах гомеостатического поддержания равновесия⁶².

Унифицирующее воздействие техники порождает анонимность, проявляющуюся в управлении, бюрократия как образ абсолютно безлика. В ее среде лицо, по-настоящему ответственное за принятие решения, обнаружить весьма трудно. Звенья машины легко заменимы. Идеал равновесия означает, что взаимодействующие силы нейтрализуют друг друга, стремясь к «обнулению» результата, к полной статике.

«Цифровое общество», это «царство количества» и анонимности, сопровождается навязчивой иллюзией: создается впечатление, что в нем правит Никто, но это гипотетическое единство вполне реальных экономических общественных интересов правит не менее деспотично от того, что не привязано ни к какому конкретному лицу. Феномен господства этого Никто нам слишком уж хорошо известен по социальной структуре из всех государственных формирований, бюрократии, которая не случайно на последней стадии национально-государственного развития приходит к окончательному господству. Но господство безличного Никто отнюдь не означает отсутствия господства и при «известных обстоятельствах способно оказаться даже одной из самых мрачных и тиранических форм правления»⁶³: массовое общество готово здесь продемонстрировать полную победу социального над политическим, а техники над свободой.

Неизбежным следствием анонимности, возрастающей по мере распространения анонимной техники, становится нарастание тревоги: «Воля центра, воля, управляющая центральным рубильником, от которого зависит любая работа аппаратуры и организации, держит все под своим контролем; в то же время тот, кто лично всем управляет, недоступен ни для какого контроля. Он лишь терпит видимость такого контроля, сохраняя выхолощенные институты

⁶¹ Голднер Э. Указ. соч. С. 467.

⁶² Голднер Э. Указ. соч. С. 450—451.

⁶³ Арентс Х. *Vita active, или О деятельной жизни*. СПб., 2000. С. 54.

выборов, плебисцитов, парламентов, лишив их предварительно способности самостоятельного формирования воли»⁶⁴.

(Так, например, личностное начало является признаком целостного «собственнического» порядка, в то время как завуалированность права собственности является следствием анонимности властных отношений, анонимного участия и анонимных обществ. Мнимая собственность становится неуловимой, приобретает скрытые формы и перемещается в процессе концентрации. Правовой порядок тогда становится фасадом, за которым действует система анонимного участия: с этого начинаются закрытые, тайные манипуляции влиятельных сил. Сами контролируемые силы не поддаются никакому контролю⁶⁵.)

Техника в процессе изменяет цели и сущность самой правовой организации. Техник старается подчинить логику «естественного права» (он всегда выступает как противник «исторической школы права») технической логике, для чего подменяет правовую норму технической нормой, отвергая специфически юридическое и изменяя тем самым как действующее право, так и его дальнейшее развитие. Но «формальное законодательное право, действующее в силу государственного установления, Техника тоже не устраивает, он всюду выдвигает на передний план именно материальную сторону закона и подменяет право, выраженное в виде законов, техническими предписаниями. С этим связано безграничное разрастание правовой материи: кажется, что работает какая-то машина, производящая законы и предписания... Техник же борется против присущей юриспруденции способности толковать вещи» (Ф. Юнгер).

Между формальным правом, выраженным в законах, и «мнением о необходимости» создается непримиримое противоречие. Фактически это означает попытку отменить закон и право как таковые, поставив над ними некую динамическую и неуловимую «волю народа»: в результате чего «генеральные клаузулы, определения, основанные на доверии, и принцип свободного усмотрения и справедливости начинают свою разрушительную работу, выходящая и подменяя собой формальное право,

выраженное в законах»⁶⁶. И тогда вторжение технического прогресса в правовую область означает борьбу со всем, что пребывает в состоянии покоя, стабильности и постоянства.

Закон для Техника — это лишь то, что служит собственно техническим целям. «Проникнув в правовые структуры — законодательство, правосудие и управление, — Техник подменяет закон техническими представлениями и постановлениями или приспособливает его для своих целей». «Путем истолкования, выступая противником строгого закона и поборником “справедливого закона”, он делает это не потому, что придает особое значение справедливости в правовых отношениях, а потому что борется против императивного права», которое не может быть изменено посредством соглашения частных лиц, и поддерживает «диспозитивное право», так как само техническое предписание является, по сути, именно диспозитивным и казуальным⁶⁷.

6. МАШИНЫ И МАССЫ

Для работы машины власти всегда были необходимы два фактора: организация знаний о вещах естественных и сверхъестественных и тщательно выработанный порядок, позволявший отдавать приказы, выполнять их и следовать им. И жречество, и чиновничество являлись теми иерархическими организациями, на вершине которых стояли верховный жрец и царь: без их объединенных усилий весь комплекс власти не смог бы действительно срабатывать — такое же положение, похоже, сохраняется и по сей день, хотя существование автоматизированных фабрик и комплексного управления помогает скрыть как человеческие составляющие, так и религиозную идеологию, «столь важную даже для нынешней эпохи автоматизации»⁶⁸.

Мегамашина просто обязана, чтобы существовать и действовать, опираться на массу. Масса — это часть самой гигантской машины, глобальной системы. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют с места на место: «незаменимых в этом мире не существует, и в результате мир попадает во власть посред-

⁶⁴ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 385.

⁶⁵ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 384.

⁶⁶ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 137—138.

⁶⁷ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 138—139.

⁶⁸ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 262.

ственности, людей без судьбы, без различий». «Руководство всем аппаратом осуществляется бюрократией, которая и сама является аппаратом, т. е. людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате» (Карл Ясперс). Бюрократия — идеальный тип машины, состоящей из людей и инструкций, которая вполне может быть заменена техническими средствами.

Масса и аппарат неразрывно связаны друг с другом. Масса как совокупность людей, составленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, которая в публике и массах в качестве толпы принимает облик преходящего явления. Для расчленения в аппарате массы главное значение имеет фикция равенства, но такая масса бездуховна и бесчеловечна. Масса хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она. Она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться: «среднее и обычное масса именуется общечеловеческим, недоступное ей — далеким от жизни»⁶⁹.

Настоящая ноосфера начинается не с состояния какого-то мистического поглощения, но с кризиса идентичности: «сегодня уже не кажется, что наш собственный разум принадлежит нам», общество разума превращается в толпу, а технология начинает играть ведущую роль в этом растворении идентичности. (Многие наблюдатели видят в Интернете одну из причин такого сдвига, как «ложную и раздробленную бесконечность, которая вдохновляет людей на то, чтобы избегать этических решений... уклоняться от внутренней рефлексии и принятия ограничений, которые обращают жизнь и придают ей форму и глубину»⁷⁰.)

Следует заметить, что идеология для массы всегда представляла лишь вульгаризированную форму веры и знания. И поскольку Техник владеет инструментами власти, позволяющими ему обходиться без идеологии, при этом претендуя на универсальную власть, идеология легко заключает союз с техникой, как бы заполняя пустующие ниши. В союзе с техникой идеология заимствует у нее громадные силы

и направляет весь запас энергии, накопленный благодаря организации и аппаратуре, на достижение одной определенной цели: здесь механику и идеологию объединяет их законченность и механистичность мышления. Отсюда и свойственный миру техники страх пустоты в виде депрессии, скуки, ощущения бессмысленности и бессодержательности, чувства тревоги и загнанности⁷¹.

Карл Ясперс увидел границу порядка существования в основном противоречии современности: массовый порядок создает универсальный аппарат существования, который разрушает мир специфически человеческого существования. Человеческое своеволие и существование ищут свой особый мир и тем самым впадают в противоречие с универсальным порядком существования; он же пытается, в свою очередь, подчинить себе эти силы, которые грозят ему именно здесь, на его границах. В результате «планируемые преодоления и истоки возмущения будут повсеместно встречаться, заблуждаться по поводу друг друга, находиться в плодотворном напряжении и начинать борьбу друг с другом»⁷².

Давление и насилие, идущие от машины, вызывают в массе ответную реакцию: стихийное начало наполняет собой механическое, оно распространяется внутри победившего его механизма. Это означает, что механизация и усиление стихийности — суть только две стороны одного процесса, они взаимообусловлены⁷³. Рациональное мышление, само столь бедное стихийной энергией, неожиданно приводит в движение гигантские стихийные силы, и это достигается принуждением, действием враждебных насильственных средств: «Хитроумные машины, автоматически выполняющие единообразные действия рабочего процесса, как оказывается, до отказа переполнены мощными стихийными силами».

Аппаратура действительно одушевлена какой-то динамической волей. «Демонические черты проявляются во всей работе технических устройств со все возрастающей силой... Сама техническая мысль... сочетает в себе каузальное и телеологическое мышление, широко открывает двери для демонического начала. Оно

⁶⁹ Ясперс К. Указ. соч. С. 310—314.

⁷⁰ Дэвис Э. Указ. соч. С. 417.

⁷¹ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 185—188.

⁷² Ясперс К. Указ. соч. С. 324, 325.

⁷³ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 170—172.

разворачивается в условиях... принудительной организации, задача которой — подчинить стихийные силы аппаратуре, причем главным условием оказывается регресс, возникающий как следствие этого насилия и направленный непосредственно против человека». Рационально организованная машина неожиданно порождает иррациональное, ее язык порождает реальность, которая вовсе не ожидалась. «Хаос, который является только названием для порядка, скрытого в том, что является случайным, — это настоящее порождение компьютера» (Джеймс Глейк).

Упорядочивающая технизация реконструирует социально-политическое и правовое пространство. Его внешним обобщенным признаком становится глобализация. Совершенствование техники — длительный, но не бесконечный процесс, его динамизм со временем может исчезнуть и созданные им формы уже приобретают застывшие черты — завершенность техники — не что иное, как один из признаков завершения тотальной мобилизации. В мире уже намечается «смена динамического и революционного пространства пространством статическим и предельно упорядоченным. Складывается система или сеть технической власти, происходит новый переход от чистой конструкции к органической, от духовно-динамического планирования к постоянной форме: “Единообразное оформление пространства принадлежит к характерным признакам любой империи, любого неоспоримого и несомненно-го господства, которое простирается до границ изведенного мира”: ведь всерьез заниматься техникой стóит лишь в том случае, если видеть в ней некий символ превосходящей власти»⁷⁴ (Э. Юнгер).

Бюрократия, придающая свои характерные черты машине властвования, по праву стала структурой, способной передавать и выполнять приказания «с ритуалистической педантичностью жреца и бездумным послушанием солдата». Она стала неотъемлемой частью законченной тоталитарной структуры; ничего не производя, она призвана передавать без изменений и отступлений приказы, исходящие свыше: «жесткую организацию могут нарушить лишь коррупция» или открытый бунт. В идеале подобный административный метод

требует старательного подавления любых самостоятельных порывов личности. Невероятная способность выносить однообразие — способность, предвосхитившая тот же уровень всеобщей скуки, которого достигла уже наша эпоха (Л. Мамфорд)⁷⁵. («Чего хочет революция? Низвести небо на землю, распределив счастье между всеми. Она не осуществит этих стремлений, и следующей век унаследовал ее лихорадочность, признает ее несостоятельной» (Э. Тардые).)

Безличный бюрократический характер технической бухгалтерии всегда соревновался с монашеским или военным порядком за право заменить основания более «жесткой дисциплины и безличной правильности». Этот порядок незаметно перешел на автоматические машины и компьютеры, способные выполнить человеческие суждения и проявлять тактичность еще меньше, чем какой-нибудь вышколенный клерк. Но новая бюрократия, занимающаяся управленческими делами и координацией, вновь сделалась необходимым придатком всех крупномасштабных... предприятий при единообразии норм: «Неспособность считаться с этой математической стороной механизации и породила искаженное представление о современной технике»⁷⁶.

7. «ВСЕМ УПРАВЛЯЮЩАЯ МАШИНА»

Техника становится способом, при помощи которого осуществляется мобилизация мира: «Это зловещее и однообразное движение, сплошная круговерть механических масс, стиснутых в монотонном бурлящем потоке, регулируемом звуковыми и световыми сигналами. Печать сознания, строгой рациональности придает этому непрерывному круговращению, напоминающему ход часового механизма или машины, видимость порядка... Этот тип движения свойствен не только лучшему холоду искусственному мозгу, созданному человеком...» (Э. Юнгер). В новом пространстве стирается осязаемая грань между органическим и механическим. Некие силы, действующие под механическими масками, втягивают живую реальность в орбиту своих интересов. Поэтому современную машинную технику и следует понимать как символ опреде-

⁷⁴ Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт. СПб., 2000. С. 326.

⁷⁵ Мемфорд Л. Указ. соч. С. 264—265.

⁷⁶ Мемфорд Л. Указ. соч. С. 363.

ленного человеческого типа⁷⁷: функциональные и объективные условия как бы преодолевают оппозиции органических и механических форм.

Высокому уровню развития техники уже достаточно давно соответствуют механические теории человека: в общественный обиход входят такие выражения, как «государственный аппарат», «юридический аппарат», «экономический аппарат», — все вокруг постепенно принимает вид аппаратуры, и неслучайно, что для такого мышления характерна утрата интереса ко всем видам свободы. При этом все инстинктивное, темное в человеке, его сложные волевые порывы и путаница мыслей не только не исчезают и не побеждаются Ratio, но лишь усиливаются. Система ограничений сама по себе не в состоянии с этим темным потоком справиться и остановить нарастание слепой стихийности. Напротив, «технический разум открывает ей более широкую дорогу для проникновения и распространения в жизни. При этом на поверхность выходят самые темные и опасные силы. Автоматизм, который воспитывается в человеке ежедневной муштрой, не просто приучал его к безвольному функционированию... но еще и меняет его внутреннее сопротивление, под маской упорядочивания отнимает всякую самостоятельность» и дает мощный импульс процессу образования массы⁷⁸.

Масса, как относительно новый феномен, развивается непременно вместе с техническим прогрессом, он и она взаимно обуславливают друг друга. Для Техника масса представляет самый пластичный и удобный материал, поскольку она пассивна, механически подвижна и легко поддается организующему воздействию. Возникновение и упадок массы зависят от внешних условий и искусственной стимуляции. Однако на самом высоком уровне технического развития массе могут быть свойственны также и быстрая, переменчивая подвижность, и механический автоматизм⁷⁹.

Аппарату для его функционирования достаточно организационно-технических норм. В отличие от правовых актов, норм и кодификаций, технические нормы не признают личного авторства. Они по своей сути анонимны. И анонимность типа толпы или массы, в которой исчезает

личное, тогда становится правилом, поскольку представляет собой истинное соответствие с тем порядком, который следует «применить для реализации насколько можно совершенным образом ко всему, что он делает». Тенденция к единообразию требует, чтобы индивиды трактовались только как простые теоретические единицы, реализующие «равенство снизу», поскольку это единственное направление, в котором оно может быть реализовано до предела, — в свойственной ему манере пояснял Рене Генон.

Эта анонимность массы, часть которой составляет индивид и в которой он себя теряет, массы, в которой собрание сходных индивидов рассматривается как число «чистых и простых арифметических единиц», уже по определению есть количество, и никак нельзя никакой из них дать наименование, которое предполагало бы ее качественное отличие от других⁸⁰. Технический разум, опираясь на число и количество, несет на себе видимость строгой объективности, но не может скрыть безграничности своих властных устремлений. Этому способствует сам факт присутствия в пространстве массы: то соответствие между механическим и стихийным началом, которое наблюдается в технических устройствах, встречается и у человеческой массы. Она поэтому и становится удобным объектом прямого механического воздействия техники. Однако в той же степени, в какой на массу производится это давление, и она становится рационально организованной, в ней «крепнут слепые иррациональные силы, которым она не в состоянии сопротивляться, так как духовно ей нечего им противопоставить»: человек наивно принимает технический прогресс за прогресс человечества вообще⁸¹.

(Удивительно, но с каждым новым усилением аппарата власти из бессознательного все чаще вырывались все новые причудливо садистские и убийственные импульсы (Л. Мамфорд): благоговение перед неким ужасным таинством и проявлением божественного начала во всей его страшной силе и сияющей славе вызывало только избыточные коллективные старания. Это магическое могущество в своей значимости перевешивало даже многие сооб-

⁷⁷ См.: Эвола Ю. Указ. соч. С. 67—69.

⁷⁸ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 198—199.

⁷⁹ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 183.

⁸⁰ Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 2003. С. 69—70.

⁸¹ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 199—200.

ражения хозяйственной выгоды. В связи с этим и изобретение военной машины сделало войну необходимой и даже желанной: как кажется, способность вести войну и приносить в жертву жизни множества людей оставались отличительной чертой любой суверенной власти на протяжении всей истории⁸².)

Техника отделяет человека от непосредственного присутствия (Карл Ясперс), поэтому рационализация жизненных средств — деление времени и экономия сил — должна восстановить в каждом «возможности присутствовать в размышлении и в действительной близости к вещам». Там, где завоевывается техника, энтузиазм человека проявляется в открытиях, превращающих его в инициатора проекта мира, как бы «второго строителя мира».

Техническое обеспечение существования требует знания лишь применительно к цели, для которой оно используется. «Самобытие же в знании есть лишь в изначальном волеии знания». Если последним масштабом знания становится его пригодность, это означает, что в нем человек отрекается от самого себя⁸³. (По замечанию Жюль Делёза, новая, более агрессивная и постоянно изменяющаяся форма принуждения — «рыночная операция» — сейчас является инструментом социального контроля и формирует «племя новых господ»: человек — это уже не «человек в заключении, но человек в долгу»⁸⁴: не догмы и принципы делают его обязанным, а экономическая необходимость и потребности. Машина же требует для себя энергии и сил, которые затрачиваются уже безо всяких ограничений.)

Метафизическая власть техническими средствами приводит в движение саму материю, тем самым подчиняя себе и органическое единство. Становится все очевиднее, что техника не является нейтральной властью, неким пустым вмещением только действенных и удобных средств. За ее будто бы нейтральным характером скрывается таинственная и прельстительная логика, с помощью которой техника предлагает себя людям: в результате «победное шествие техники оставляет за собой широкий след из разрушенных символов. Его неминуемым результатом становится анархизм — та

анархия, которая размывает само жизненное единство». Позитивная же сторона процесса состоит в том, что техника сама вынуждена корениться в культе, она располагает собственными символами, и что за техническими процессами все же кроется борьба жизненных форм. Всякая власть пользуется техникой, для чего и приспособляется к ее властному характеру, скрытому за техническими символами. Анархия же возрастает в той мере, в какой «поверхность мира становится все более однообразной, а разнородные силы все более сливаются воедино».

Эрнст Юнгер был уверен, что именно в технике мы находим самое настоящее средство тотальной революции: «Мы знаем, что у сферы уничтожения есть ее тайный центр, в котором берет начало будто бы хаотичный процесс подчинения старых сил». Новое человечество движется к этому центру: фаза разрушения сменяется действительным порядком. В пространстве же, где все мировые загадки уже разрешены, на долю техники выпадает только задача устранения человека от обреченного на проклятье труда⁸⁵. И она не без лукавства обещает освободить его от всякого труда вообще.

Но когда работа станет для человека настолько легкой, что перестанет уже быть проклятием, может возникнуть опасность, что тогда никто уже не будет желать избавиться и от власти необходимости, т. е. люди будут поддаваться ее насилию, даже не зная, что их насилует. «Невероятное совершенствование инструментов труда — изобретение немых роботов», с помощью которых человек как *homo faber* попытался на свой манер решить проблему свободы, которая на самом деле решается политически деятельными людьми только «на путях господства и рабства». Это и стало прелюдией, как полагала Хана Арендт, к предстоящей нам второй, «атомной» революции⁸⁶.

* * *

Мартин Хайдеггер одним из первых наиболее широко поставил проблему техники, указав на все выгоды и риски, которые с ней связаны. Рациональность, целесообразность и эффективность управления, которые обещает техниче-

⁸² Мамфорд Л. Указ. соч. С. 288—289.

⁸³ Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт. С. 249—252.

⁸⁴ Ясперс К. Указ. соч. С. 401—404.

⁸⁵ Цит. по: Дэвис Э. Указ. соч. С. 436.

⁸⁶ Арендт Х. Указ. соч. С. 154—155.

ское развитие, вовсе не гарантируют свободы как важнейшего человеческого приоритета. Число, количество, масса составляют основания техницизма как идеи, метода и реальности. В современном мире они приобретают совершенно новые значения. Эйфория массового сознания, обусловленная компьютеризацией, на политическом уровне обещающей создать даже «цифровое правительство и цифровую экономику», рождает вместе с новыми идеями и новую реальность, к которой следовало бы относиться с осторожностью, как к до конца не познанной тенденции.

И если техника оказывает сегодня сильнейшее влияние на облик мира, то скорее разрушительное, чем устроительное, проникая в его отдаленнейшие области, то здесь на первом месте, конечно же, стоит материальный интерес, по своей природе способный служить без различия как добру, так и злу. Он с равным успехом может вести и к уничтожающей всякий порядок конфронтации враждебных сил, и к образованию областей упорядоченного хождения.

Естествознание громогласно обещает посредством техники справиться с материальной природой и обеспечить победу над врагами, оно склоняет разумного человека на свою сторону заманчивым лозунгом — «целесообразность». Однако и сама целесообразность может толкнуть к хаосу, если цель понимать не как часть большой мировой взаимозависимости: ведь «целесообразность с этической точки зрения — это настоящая смерть человечности»⁸⁷.

С этим процессом связано абстрагирование от непосредственной чувственной наличности, когда с очевидностью происходит процесс возрастания условности (на это будет указывать и Хайдеггер, выступивший с докладом на том же самом конгрессе по проблемам философии техники, что и Гейзенберг). «Свобода же правит в просторе, возникающая как просвет, т. е. как выход из потаенности... Всякое раскрытие потаенности идет по следам сокровенности и тайны». Свобода простора не заключается ни в разнуданности своеволия, ни в связанности с абстрактными законами... Свобода — это область судьбы, посылающей человека на тот или иной путь раскрытия тайны». (Существо современной техники, полагал Хайдеггер, таится в «поставе», который повинует миссии раскрытия потаенности. Полагают, будто всё предстоящее человеку ценно лишь в силу того, что поставлено им самим. Эта видимость и порождает мираж, поэтому и Гейзенберг с полным основанием указывал на то, что сегодняшнему человеку действительность должна представляться именно таким образом: существо техники как миссия раскрытия потаенности, — и это большой риск.)

Но угроза человеку идет даже не от возможности губительного действия машин и технических аппаратов. Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство «поставы» грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины: техника грозит окончательно заменить собой истину⁸⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Д. Царство и Слава. — М. — СПб., 2018.
2. Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни. — СПб., 2000.
3. Бенуа А. Против либерализма. — СПб., 2009.
4. Беньямин В. Франц Кафка. — М., 2000.
5. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Избранные произведения. — М., 1990.
6. Вебер М. Хозяйство и общество. Социология. — М., 2016.
7. Гейзенберг В. Естествознание и техника в политических событиях нашего времени // Избранные философские работы. — СПб., 2006.
8. Генон Р. Царство количества и знамения времени. — М., 2003.
9. Голднер Э. Анализ организации // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. — М., 1965.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. — СПб., 2007.
11. Дэвис Э. Технополис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. — Екатеринбург, 2017.
12. Зиферле Р. П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ. — М., 1989.

⁸⁷ Гейзенберг В. Естествознание и техника в политических событиях нашего времени // Избранные философские работы. СПб., 2006. С. 251.

⁸⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 324.

13. Мамфорд Я. Миф машины. — М., 2001.
14. Новалис. Фрагменты. — СПб., 1995.
15. Рапп Ф. Философия техники: обзор // Философия техники в ФРГ. — М., 1989.
16. Рыклин М. Книга до книги // Бенъямин В. Франц Кафка. — М., 2000.
17. Филиппов А. Р. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. — СПб., 2006.
18. Философия техники в ФРГ. — М., 1989.
19. Фуко М. Безопасность, территория, население. — СПб., 2011.
20. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. — СПб., 2007.
21. Хардт М., Негри А. Империя. — М., 2004.
22. Хунинг А. Номо тегура: люди — это их техника — техника присуща человеку // Философия техники в ФРГ. — М., 1989.
23. Шапошников В. А. Математическая мифология // Социокультурная философия математики. — СПб., 1999.
24. Шмитт К. Диктатура. — СПб., 2009.
25. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. — СПб., 2006.
26. Шпенглер О. Деньги и машина // Пессимизм? — М., 2003.
27. Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1998. — Т. 2.
28. Шпенглер О. Человек и техника // Антология. Логика культуры. — СПб., 2009.
29. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юргера. — СПб., 2005.
30. Юнгер Ф. Совершенство техники. — СПб., 2002.
31. Юнгер Э. Гелиополис // Утопия и антиутопия XX века. — М., 1992.
32. Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальдт. — СПб., 2000.
33. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1999.

Материал поступил в редакцию 21 октября 2018 г.

“RULING MACHINE” OR LEGALIZATION OF TECHNOLOGY⁸⁹

ISAEV Igor Andreevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
iaisaev@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper is devoted to complex and multifaceted relations arising in the field of public administration, the symbolic embodiment of which is the “ruling machine”. There is a long tradition based on the analogy between the machine mechanism and human social structures. Since the era of the absolutist states and the industrial revolution, these analogies have been transferred to a special social and organizational structure, which is “bureaucracy”. A special place is occupied by the technique of management, technology of domination and organizational and technical standards, which gives the bureaucracy an image of a technical structure rather than a human team. At the same time, the strict regulation of this structure, based on a system of norms, regulations and codifications, makes the bureaucratic structure permeable to the mechanisms of legal regulation. Historically, the “ruling machine” has demonstrated its adaptability to a variety of political, economic and legal contexts, demonstrating its technical “neutrality”.*

Keywords: *power, law, laws, norm, organization, structure, technique, technology, machine, apparatus, bureaucracy, dictatorship, democracy, absolutism, monarchy, legality, legitimacy, justice, neutrality, ideology, objectivity, subjectivity.*

⁸⁹ The study is carried out with the financial support of RFBR in the framework of the scientific project № 18-29-16124 “Impact of technological revolutions on the development of regulatory structures of power: network versus system”.

REFERENCES

1. Agamben G. *Tsarstvo i slava* [The Kingdom and the Glory]. Moscow. St. Petersburg., 2018.
2. Arendt H. *Vita active, ili o deyatelnoy zhizni* [Vita active (Active Life)]. St. Petersburg, 2000.
3. Benoist A. de. *Protiv liberalizma* [Against liberalism]. St. Petersburg, 2009.
4. Benjamin W. *Frants Kafka* [Franz Kafka]. Moscow, 2000.
5. Weber M. *Teoriya stupeney i napravleniy religioznogo nepriyatiya mira. Izbrannye proizvedeniya* [Theory of steps and directions of religious rejection of the world. Selected works]. Moscow, 1990.
6. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo. Sotsiologiya* [Economy and Society. Sociology]. Moscow, 2016.
7. Heisenberg V. *Estestvoznaniye i tekhnika v politicheskikh sobytiyakh nashogo vremeni. Izbrannye filosofskie raboty* [Natural science and technology in the political events of our time. Selected philosophical works]. St. Petersburg, 2006.
8. Guénon R. *Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni* [The reign of quantity and the signs of the times]. Moscow, 2003.
9. Goldner E. *Analiz organizatsii* [Analysis of the organization]. *Sotsiologiya segodnya. Problemy i perspektivy* [Sociology today. Problems and prospects]. Moscow, 1965.
10. Deleuze, G., Guattari, F. *Anti-Edip* [Anti-Oedipus]. St. Petersburg, 2007.
11. Davis E. *Tekhnopolis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [Technopolis: myth, magic and mysticism in the information age]. Ekaterinburg, 2017.
12. Sieferle R.P. *Istoricheskie etapy kritiki tekhniki* [Historical stages critics of technics]. *Filosofiya tekhniki v FRG: obzor* [Philosophy of technology in Germany: review]. Moscow, 1989.
13. Mumford L. *Mif mashiny* [The myth of the machine]. Moscow, 2001.
14. Novalis. *Fragmentsy* [Fragments]. St. Petersburg, 1995.
15. Rapp F. *Filosofiya tekhniki: obzor* [Philosophy of technology: review]. *Filosofiya tekhniki v FRG: obzor* [Philosophy of technology in Germany: review]. Moscow, 1989.
16. Ryklin M. *Kniga do knigi. Benyamin V. Frants Kafka*. [Book before the book]. Benjamin V. Franz Kafka. Moscow, 2000.
17. Filippov A.R. *Kritika Leviafana. Shmitt K. Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* [Critique of the Leviathan. Schmitt K. Leviathan in the doctrine of the state of Thomas Hobbes]. St. Petersburg, 2006.
18. *Filosofiya tekhniki v FRG: obzor* [Philosophy of technology in Germany: review]. Moscow, 1989.
19. Foucault M. *Bezopasnost, territoriya, naselenie* [Security, territory, population]. St. Petersburg, 2011.
20. Heidegger M. *Vopros o tekhnike. Vremya i bytie* [The question of technology. Time and being]. St. Petersburg, 2007.
21. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Moscow, 2004.
22. Huning A. *Homo mengura: lyudi — eto ikh tekhnika — tekhnika prisushcha cheloveku* [Homo mengura: people — this is their technique — technique inherent in man]. *Filosofiya tekhniki v FRG: obzor* [Philosophy of technology in Germany: review]. Moscow, 1989.
23. Shaposhnikov V.A. *Matematicheskaya mifologiya. Sotsiokulturnaya filosofiya matematiki* [Mathematical mythology. Socio-cultural philosophy of mathematics]. St. Petersburg, 1999.
24. Schmitt K. *Diktatura* [Dictatorship]. St. Petersburg, 2009.
25. Schmitt K. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* [Leviathan in the doctrine of the state of Thomas Hobbes]. St. Petersburg, 2006.
26. Spengler O. *Dengi i mashina. Pessimizm?* [The money and the machine. Pessimism?] Moscow, 2003.
27. Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Moscow, 1998. Vol. 2.
28. Spengler O. *Chelovek i tekhnika* [Man and technology]. *Antologiya. Logika kultury* [Anthology. Logic of culture]. St. Petersburg, 2009.
29. Evola Yu. *«Rabochiy» v tvorchestve Ernsta Yurgera* [“Working” in the works of Ernst Jurger]. St. Petersburg, 2005.
30. Yunger F. *Sovershenstvo tekhniki* [The perfection of technique]. St. Petersburg, 2002.
31. Junger E. *Geliopolis. Utopiya i antiutopiya XX veka* [Heliopolis. Utopia and dystopia of the 20th century]. Moscow, 1992.
32. Junger E. *Rabochiy, gosподство i geshtaldt* [Worker, domination and gestalt]. St. Petersburg, 2000.
33. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of the history]. Moscow, 1999.